

Р. ПЛЯТТ

Учитель и мастер

Завадский... Это — изысканность формы, нарядность, блеск легкой комедийности, ирония и уж, конечно, «театральность». Но в кавычки хотелось бы взять и все предыдущие, по существу, хорошие понятия. Ибо слишком уж назойливо сопровождают они издавна имя Завадского, слишком примитивно и обязательно приклеиваются они к нему, объясняя лишь одну из граней таланта Завадского. И повинны в этой традиционности и то, что зритель впервые увидел его в иронически-пародийном спектакле «Турандот», и то, что молодую нашу студию вспоминают по «Любовью не шутят» Мюссе, и то, что лица театра Завадского составили в свое время три таких необычных по форме спектакля, как «Ученик дьявола», «Вошки и овцы», «Школа неплательщиков», и, наконец, привычка Завадского носить с собой пачку цветных карандашей, с которой обычно он не расстаётся. (О, эти карандаши, десятки, а может быть и сотни разноцветных карандашей, с которыми он неразлучен ни на репетиции, ни на читке пьес,—карандаши, столь мучительно интригующие многих и столь понятные нам, его ученикам, с любопытством зачастую обнаруживающим в его машинальных зарисовках контуры будущих гримов, то меткие шаржи на кого-то из нас!).

А между тем, что наиболее дорогого в таланте Завадского-режиссера? Что так привлекает к нему актеров? Что именно сплотило нас вокруг него на долгие годы? Это в первую очередь настоящая и радостная любовь к актеру, абсолютно верное и точное умение раскрыть и выявить его, «угадать» его и добраться до его сердца.

Ученики никогда не ценят учителя только за количество лет, проведенных вместе, за доброе отношение,—нет, они ценят его за приобретенное от него. Так, каждый из нас, прошедших с Юрием Александровичем долгий путь, обязан ему своими удачами и в долгу у него за свои неуспехи.

Это не парадная фраза и не преувеличение. Вспомните творческое раскрытие таких наиболее определившихся учеников Завадского, как Марецкая и Мордвинов. Марецкая—Мирандолина и Варя, Мордвинов—Мурзавецкий и Отелло... Это—результат пристального и любовного доверия учителя к ученикам, это

—тот талант, то умение догадаться о скрытых в актере неожиданностях, без которого блистательная фантазия любого режиссера может оказаться самодовлеющей и лишённой адреса. Мне кажется бесконечно ценным то, что Завадский не фантазирует «отдельно» от индивидуальности актера, с которым он работает: он «подсматривает» в актере, он незаметными и как бы случайными намеками подводит его к требуемому результату. Режиссерские показы Завадского блестящи, но никогда не догматичны и—что еще важнее—показывает он актеру именно так, как только данный актер может сыграть. Он жадно хватается и немедленно развивает все приносимое актером, актер—всегда желанный и полноправный соавтор его режиссерских решений, подчас крайне острых и необычных. Репетиции Завадского—это всегда импровизация, рожденная тут же, в содружестве с актером: молниеносным подсказом помогает он актеру оформить его еще для него самого невинные намерения.

В Завадском—режиссере, педагоге, мастере мы, его ученики, видим взыскательного советского художника, для которого искусство—это прежде всего «жизнь человеческого духа» (Станиславский).

Знаменательно и радостно, что высокое звание Сталинского лауреата присвоено Завадскому за постановку тех трех спектаклей, в которых эта сосредоточенность на внутреннем мире человека, на его сокровенном и духовном оказалась с особенной силой.

«Отелло», «Нашествие», «Встреча в темноте»... Как различны эти спектакли по своему содержанию и стилю! Их роднит и объединяет атмосфера подлинной человечности.

В шекспировской трагедии Завадского волнует человеческая тема истинного благородства, сталкивающегося с миром лжи и низости, изнемогающего в этой неравной борьбе, но не побежденного в ней.

Пьесы советских писателей «Нашествие» и «Встреча в темноте» в глубоком и проникновенном раскрытии Завадского стали пьесами о душе русского человека с его страстями, с его чистотой и мудрой ясностью, с его самоотверженной преданностью родине, с его не знающей пределов отвагой.

Те, кто когда-либо работал под руководством Завадского, не забывают этого. Они возвращаются к нему. Ныне ученики его, работавшие с ним в разные периоды, объединились в Театре имени Моссовета. Вместе с прежним составом этого театра они создают театр единой творческой мысли, единых художественных устремлений.